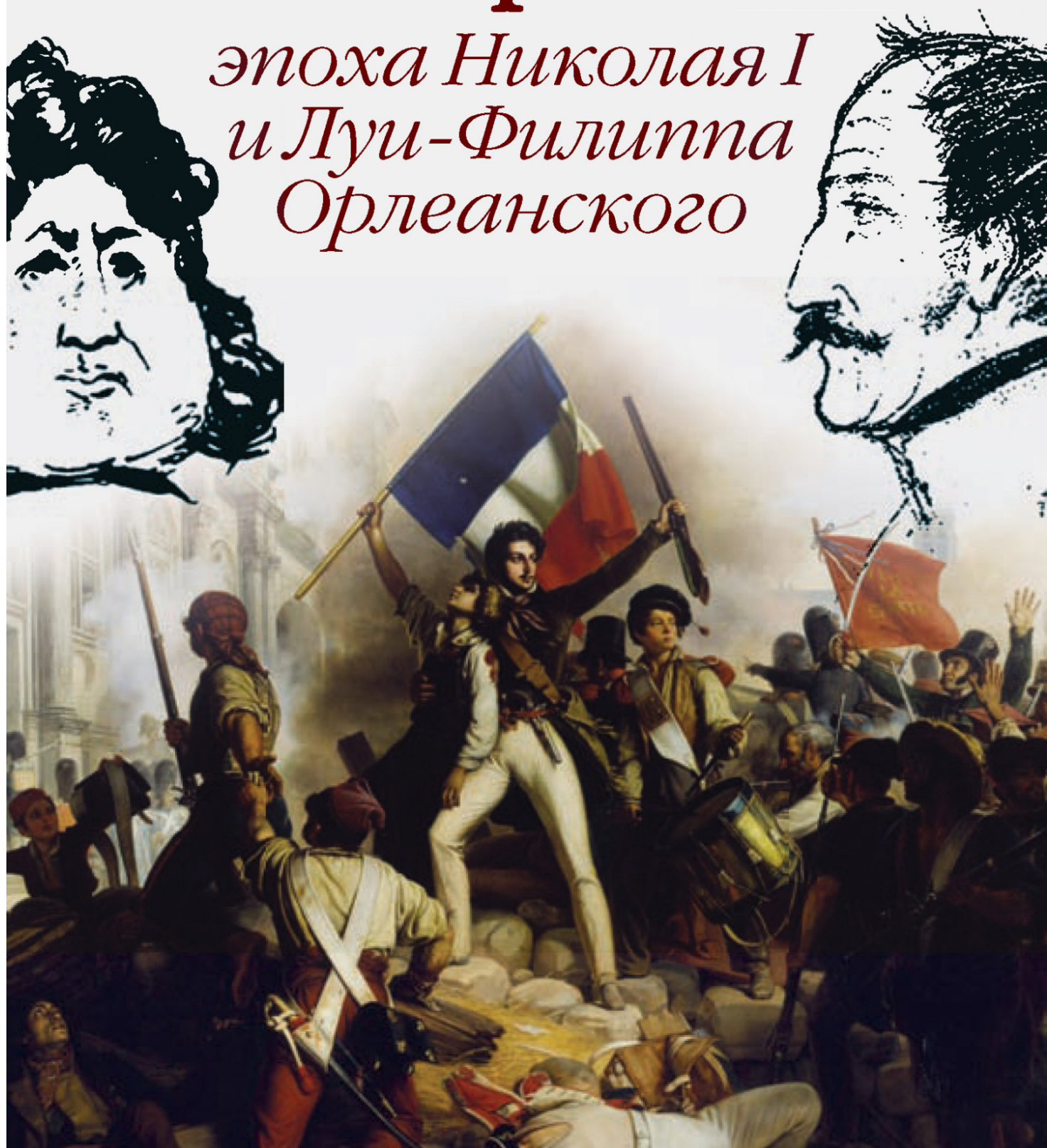

Н. П. Таньшина

Самодержавие и либерализм

*эпоха Николая I
и Луи-Филиппа
Орлеанского*

Наталия Таньшина

**Самодержавие и либерализм:
эпоха Николая I и Луи-
Филиппа Орлеанского**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2018

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)52

Таньшина Н. П.

Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского / Н. П. Таньшина — Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2018

ISBN 978-5-8243-2243-9

Россия в годы царствования императора Николая I (1825–1855) и Франция в эпоху правления конституционного короля Луи-Филиппа Орлеанского (1830–1848). Это был период резкого ограничения контактов, что было вызвано негативным отношением российского самодержца к режиму, рожденному революцией. Однако, несмотря на жесткое, порой на грани конфронтации, противостояние, между нашими странами происходило и постоянное взаимодействие. Это был первый опыт сложных и противоречивых отношений между российским самодержавием и французским либерализмом.

Отношения между странами – это отношения между народами. С одной стороны, неприятие российским императором Июльской монархии, а также линия на свертывание двусторонних контактов только подогревали интерес русского человека к Франции. С другой стороны, к России и русским французы, особенно после Июльской революции и подавления Николаем I Польского восстания, испытывали, как правило, крайнюю настороженность, временами переходившую в откровенную русофобию. Почему нас не любили? Связано ли это было с глубинными цивилизационными отличиями или же антирусские настроения подогревались активной внешней политикой Российской империи? Любовь же русского человека к Франции была неизбывной. Даже несмотря на то, что порой она была безответной... Книга предназначена для историков и всех, кто интересуется историей Франции и России. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-8243-2243-9

© Танышина Н. П., 2018

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2018

Содержание

Введение	7
Немного историографии	10
Глава 1	15
Николай и Луи-Филипп в исторической памяти	15
Детство и юность. Взросление	18
Восстание декабристов и Июльская революция: легитимация власти	27
Надежды и разочарования. Реформы первых лет царствования	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Н. П. Танышина
Самодержавие и либерализм. Эпоха
Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского

Государственный академический университет гуманитарных наук

Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Рецензенты:

доктор исторических наук А. В. Чудинов

доктор исторических наук Д. Ю. Бовыкин

© Танышина Н. П., 2018

© Политическая энциклопедия, 2018

Введение

Россия в годы царствования императора Николая I (1825–1855) и Франция в эпоху правления конституционного короля Луи-Филиппа Орлеанского (1830–1848). Казалось бы, это был период крайнего ограничения контактов, что было вызвано негативным отношением российского самодержца к режиму, имеющему революционное происхождение во главе с «королем баррикад». Однако несмотря на жесткое, порой на грани конфронтации, противостояние, между нашими странами происходило и постоянное взаимодействие. Можно сказать, что это был первый опыт сложных и противоречивых контактов между российским самодержавием и французским либерализмом. Взаимодействие Российской империи с режимом Реставрации (1814–1830), основанном на Конституционной хартии 1814 г., вряд ли является типичным примером такого сотрудничества. Как известно, после 1815 г. и вплоть до Июльской революции 1830 г. отношения между Санкт-Петербургом и Парижем были едва ли не идиллическими: со стороны Франции в первые годы Реставрации за них отвечал бывший генерал-губернатор Новороссии, ставший главой французского кабинета, герцог Э.О. Ришельё; со стороны России на протяжении двадцати лет – бывший депутат Законодательного собрания Франции, кровный враг Наполеона Бонапарта, «русский корсиканец» граф Ш.-А. Поццо ди Борго. Однако Александр I и тем более его брат Николай I старались не замечать, что имеют дело с конституционным режимом. Для обоих монархов главное заключалось в том, что речь шла о легитимной династии Бурбонов. Ведь Николай I не предъявлял тех же претензий к фактически конституционной британской монархии (в 1832 г. в стране была проведена парламентская реформа, названная Великой), которые он ставил в упрек «фальшивой», по его выражению, Июльской монархии.

На первый взгляд, русское самодержавие Николая I и французский либеральный режим короля Луи-Филиппа – две противоположности. Но только на первый взгляд. В России, действительно, существовало самодержавие, но готовое пойти на реформы, пусть и ограниченные, умеренные и осторожные. Либерализм Луи-Филиппа, именуемый по названию династии орлеанизмом, – это либерализм умеренный, яркий пример либерально-консервативного синтеза, сочетавшего либеральную категорию «свободы» с консервативной ценностью «порядка». В этом отношении изучение опыта взаимодействия двух политических режимов и идеологий, выяснение эволюции этих отношений от непризнания к признанию и взаимодействию представляется весьма важным.

Изучение этого опыта невозможно в отрыве от представления государей, возглавлявших режимы и олицетворявших разные идейные платформы: «Государь всея Руси» и «король французов» персонифицировали самодержавие и либерализм.

В исторической памяти сформировались устойчивые представления о противоположности двух монархов, да и сами они никогда бы не согласились со своей общностью. Один – «жандарм Европы», «рыцарь самодержавия», «душитель революций», убежденный сторонник принципа легитимизма, вынужденный признать режим Июльской монархии, но до конца своих дней считавший Луи-Филиппа узурпатором трона, «похитившим» корону у малолетнего герцога Бордоского, и так и не пожелавший называть его, как было принято между коронованными особами, «*государь, брат мой*». Другой – «король баррикад», «король-буржуа», получивший корону в результате Июльской революции 1830 г., ставшей катализатором революционной бури, пронесшейся по Европе. Все верно, но это одна сторона медали. Однако при внимательном рассмотрении окажется, что при всем внешнем различии и даже противоположности обоих монархов, между ними было очень много общего.

Отношения между странами – это не только отношения между правителями, но и между народами. И здесь опыт контактов русских и французов того времени крайне любопытен. К

незнакомому, «Другому», будь то на уровне межличностном или государственном, люди испытывают эмоции двоякого рода: интерес и страх. Именно так Россию и русских во все времена воспринимали во Франции: нас либо любили, либо ненавидели; либо восхваляли и связывали с Россией надежды на будущее европейской цивилизации, либо воспринимали как варварское деспотичное государство. Последнее гораздо чаще. Но, главное, интерес к загадочной «русской душе», русскому менталитету не иссякал во все времена, причем независимо от характера отношений между нашими странами, корнями уходящими в Киевскую Русь. С одной стороны, неприятие российским императором революционной Июльской монархии, а также курс на ограничение двусторонних контактов только подогревали интерес русского человека к Франции. С другой – к России и русским французы, особенно после Июльской революции и подавления императором Николаем Польского восстания, испытывали, как правило, крайнюю настороженность, переходившую порой в откровенную русофобию. Почему нас не любили? Связано ли это было с глубинными причинами, истоки которых надо искать в противостоянии между Востоком и Западом, расколе христианской церкви, событиях Ливонской войны, когда Запад открыл для себя Россию, тогда еще Московию? Или же антирусские настроения подогревались активной внешней политикой Российской империи, направленной на защиту национальных интересов, но воспринимаемой на Западе как экспансия и поток, который необходимо остановить и оградить Европу от новых гуннов, готовых заполнить Европу?

Рассмотрение этих разных аспектов взаимоотношений России и Франции тех лет определило структуру книги: первая глава посвящена сравнительному анализу личностей императора Николая Павловича и короля Луи-Филиппа Орлеанского, воссозданию их двойного портрета. В центре внимания второй главы – политические отношения между нашими странами – как их видели дипломаты и политики – с выходом на проблематику политической русофобии и журнальных войн, спровоцированных публикацией книги маркиза Астольфа де Кюстина. В третьей главе реконструируются образы России в представлениях французских дипломатов, политиков, путешественников, а также рассматриваются отдельные сюжеты из истории научных и иных контактов между Россией и Францией. образу Франции, созданному русскими, а также пребыванию русских в Париже Луи-Филиппа, посвящена четвертая глава книги. В заключительной главе подводятся итоги правления императора Николая I и короля Луи-Филиппа.

* * *

При изучении истории Франции времен Луи-Филиппа меня всегда особенно интересовали сюжеты, связанные с взаимоотношениями между нашими странами, с восприятием французами России и русскими Франции. Меня привлекали люди, русские и французы, олицетворявшие двусторонний диалог: граф Шарль-Андре Поццо ди Борго и барон Проспер де Барант, княгиня Дарья Христофоровна Ливен и Франсуа Гизо, художник Орас Верне. Этим сюжетам и персонажам в разные годы мною был посвящен ряд статей, которые, переработанные и дополненные, стали основой этой книги, обогащенной новыми материалами.¹

¹ Танышина Н.П. Июльская монархия глазами российского посла во Франции К.О. Поццо ди Борго // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 7. М., 2006. С. 138–150; *она же*. Корсиканец на русской службе, или куда приводит вендетта // Родина. 2008. № 4. С. 58–63; *она же*. Карл Осипович Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67–85; *она же*. Луи Филипп Орлеанский // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 37–56; *она же*. «Заметки о России» французского дипломата барона де Баранта // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 184–204; *она же*. Революция от скуки или как французы изменили своей традиции не устраивать революцию зимой // Родина. 2012. № 3. С. 78–81; *она же*. Король французов Луи Филипп Орлеанский: штрихи к портрету (по дипломатическим донесениям российского посла во Франции графа К.О. Поццо ди Борго) // Вестник РГГУ. № 9 (89). Серия: Исторические науки. Всеобщая история. М., 2012. С. 133–145; *она же*. Французская революция 1848 года по дипломатическим донесениям российского поверенного в делах Н.Д. Киселева // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 74–92; *она же*. Восемь лет без права переписки // Родина. № 3. 2013. С. 41–44; *она же*. Маркиз де Кюстин и барон де Барант: два образа России в исторической памяти // Образы будущего России: желаемое-возможное-необходимое. Материалы

Книга не претендует на всесторонний анализ политико-дипломатических отношений между Россией и Францией в годы правления Николая I и Луи-Филиппа, это тема для отдельного исследования. Моя работа – это скорее калейдоскоп образов и впечатлений французов и русских друг о друге и о Другом, своеобразные наброски к истории двусторонних отношений, представленных через историю людей.

В том, что касается личности и правления императора Николая I, я опиралась на труды современных специалистов по российской истории XIX века, прежде всего – на работы Л.М. Ляшенко и Л.В. Выходкова. При изучении вопросов, связанных с восприятием французами России и русских, большим подспорьем послужили книги Мишеля Кадо и Шарля Корбе².

Хочу выразить огромную благодарность доктору исторических наук Александру Викторовичу Чудинову и доктору исторических наук Дмитрию Юрьевичу Бовыкину за помощь в работе над книгой, а также ценные советы и рекомендации. Я признательна также доктору исторических наук, члену-корреспонденту РАН Петру Петровичу Черкасову за идею написания этой книги и многолетнее сотрудничество. Я искренне благодарна научному сотруднику Отдела рукописей Российской национальной библиотеки Елене Михайловой за доброжелательное отношение и помощь в поиске материала.

Всероссийской научно-практической конференции. Москва, МПГУ, 8–9 июня 2016 г. М., 2016. С. 75–84; *она же*. «Крым вдруг стал в моде»: Крым в путевых заметках французского дипломата Проспера де Баранта // Материалы научной конференции «Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XX вв.». Ялта, 25–26 апреля 2016. Ялта, 2016; *она же*. Образ победы над наполеоновской Францией в николаевской России // Образ и смысл победы в российской истории. М., 2017. С. 135–142; *она же*. Орас Верне: художник-дипломат в диалоге между Россией Николая I и Францией Луи-Филиппа // Вопросы всеобщей истории Выпуск 19. Сборник научных и учебно-методических трудов (Ежегодник). Екатеринбург, 2017. С. 180–189; *она же*. Современная методология изучения российско-французских отношений в XIX веке (от окончания Наполеоновских войн до начала XX века) // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. Т. 3. М., 2017. С. 174–186; *она же*. Образ власти императора Николая I в представлениях современников-французов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 10. С. 109–116; *она же*. Император Николай I и король Луи-Филипп I. Двойной портрет // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2017. С. 17–46; *она же*. Антирусские настроения во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. № 4. 2017. С. 91–108; *она же*. Три взгляда на Францию 1838–1839 гг.: П.А. Вяземский, В.М. Строев, М.П. Погодин // Локус. Люди, общество, культуры, смыслы. М., 2017. № 1. С. 72–85; *она же*. Жозеф-Поль Гемар и несостоявшаяся русско-французская арктическая экспедиция // Арктика: история и современность / Материалы второй международной научной конференции. СПб., 2017. Ч. 1. С. 26–34; *Танышина Н., Борисёнок Ю.* Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // Родина. 2018. № 5. С. 105–109; *Tanchina N. Pozzo di Borgo et le Tzar // Autour de Charles-André Pozzo di Borgo (1764–1842). Ajaccio, 2018. P. 57–66.*

² Об этих работах речь пойдет впереди.

Немного историографии

Прежде чем начать повествование об истории российско-французских отношений и личностях государей двух стран, остановимся вкратце на историографическом аспекте, дабы воздать должное предшественникам, коллегам-историкам. Что и как они изучали в истории двусторонних отношений России и Франции XIX столетия?³

Прежде всего, внимание историков привлекало начало века: время проникновения в русское общество идей Французской революции, идеалов свободы и прав человека, оказавших немалое влияние на умонастроения русской интеллигенции и всю интеллектуальную жизнь эпохи⁴, а также конец столетия: время заключения франко-русского союза. А вот российско-французские отношения в 1830–1840-х годах долгое время оставались почти не исследованной темой. Во многом это было связано с тем, что и эпоха Николая I, и годы правления Луи-Филиппа воспринимались советскими историками как период господства консерватизма, закончившийся в одной стране смертью императора и поражением в Крымской войне, в другой – с Февральской революцией 1917 г. и отречением Луи-Филиппа от престола. Период Июльской монархии и во французской, и в отечественной науке рассматривался как некое промежуточное звено, переходный этап между революциями и империями, когда не было достигнуто значимых позитивных результатов (за исключением экономического роста), а напротив, зрели предпосылки очередного революционного взрыва.

В настоящее время историографическая ситуация во многом изменилась, и отношения между Россией и Францией в эпоху императора Николая I и короля Луи-Филиппа становятся привлекательными сюжетами для исследователей.

За последнюю четверть века историческая наука претерпела серьезные изменения парадигмального свойства, пройдя через ряд кризисов, или «поворотов». Если «поворот» конца 1980 – 1990-х гг. был обусловлен прежде всего политико-идеологическими процессами, имевшими место в нашей стране, то переосмысление методологии истории в последней четверти века во многом связано с глубинными процессами, происходившими в историческом знании как таковом. Это связано с очередным кризисом исторической науки, на сей раз постмодернистским, который если и не расколол сообщество историков, то поставил новые вопросы, очертил новые методологические подходы и приемы. И те, кто принял постмодернистский вызов, и те, кто, по их собственному определению, так и остались «позитивистскими троглодитами», вынуждены реагировать на изменения, происходящие как в исторической науке в целом, так и в интеллектуальном пространстве.

Это не могло не затронуть и исследователей, занимающихся проблемами внешней политики и международных отношений. В данной сфере, помимо собственно методологических аспектов изучения истории, существенную роль играют текущая политика и международная ситуация. В работах, посвященных международным отношениям прошлых столетий, очень часто прослеживается тенденция актуализации истории, а идея о том, что «история – служанка идеологии», причем без всякой негативной коннотации, наглядно иллюстрирует современное состояние исследований во многих странах по данной тематике.

Казалось бы, история двусторонних отношений – это в первую очередь дипломатия. Но классические дипломатические исследования в духе Антонена Дебидюра уже давно не появляются, причем это общемировая тенденция. Современные французские ученые сожалеют о сложившейся в науке ситуации: дипломатическая история не привлекает такого пристального

³ Проблематика Отечественной войны 1812 г. и Наполеоновских войн в целом здесь не рассматривается.

⁴ Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013. С. 6.

внимания, как прежде. Видимо, это связано с общим кризисом позитивистской методологии с ее стремлением к глобальным обобщениям и конструкциям.

Можно сказать, что современная дипломатическая история российско-французских отношений развивается в модернизированном виде, а именно сквозь призму персонификации истории, рассмотрения ее через личности – как известные, так и не очень. То есть это история дипломатии в лицах. Здесь бесспорным лидером является Петр Петрович Черкасов, создавший целую галерею образов в рамках дипломатической истории Франции и России. Применимо к XIX в. – это работы о Якове Толстом и продолжение серии двойных портретов – императоры Александр II и Наполеон III⁵. С присущим ему литературным мастерством П.П. Черкасов создает не просто яркие портреты, порой извлекая своих персонажей из исторического забвения, но и проводит глубокий анализ истории двусторонних отношений, основанный на детальном изучении российских и французских архивов. На мой взгляд, работы этого автора являются одним из ярких примеров плодотворного синтеза классической науки и новаций, основанного на высочайшем профессионализме и тщательнейшем анализе документов.

В жанре научно-популярной истории написана книга П.П. Черкасова «Шпионские и иные истории из архивов России и Франции»⁶. С одной стороны, эта книга удовлетворяет интерес широких читателей ко всему шпионско-детективному. С другой – приучает к серьезной научной литературе, написанной на основе изучения архивных материалов, при этом талантливо, литературно и доступно.

Особо отмечу выпускаемый под руководством П.П. Черкасова сборник «Россия и Франция. XVIII–XX века». Анализ публикаций этого периодического издания может быть предметом самостоятельного научного исследования. Сам факт того, что сборник пережил сложные времена (а счет его выпусков пошел уже на второй десяток), – это, несомненно, личная заслуга его главного редактора.

В русле классических дипломатических исследований плодотворно работает петербургская исследовательница Татьяна Николаевна Гончарова. В своей кандидатской диссертации, написанной на основе документов из российских и французских архивов, она анализирует деятельность французских и российских дипломатов, а также французских консульств в России⁷. Это весьма важное исследование, содержащее ту самую фактуру, без которой никакие методологические повороты просто невозможны. Кроме того, у Т.Н. Гончаровой имеется целая серия научных статей, посвященных дипломатическим и культурным контактам между Санкт-Петербургом и Парижем в 1814–1848 гг.⁸, в том числе с выходом на историю повседневности.

Исследование повседневной жизни – один из ведущих сюжетов современной мировой историографии, одно из кардинальных направлений как российской, так и французской исто-

⁵ Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867). М., 2008; *он же*. Александр II и Наполеон III. М., 2015; *он же*. Граф П.Д. Киселев – российский посол во Франции (1856–1862) // Россия и Франция XVIII–XX века. Выпуск 11. М., 2014.

⁶ Черкасов П.П. Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М., 2015.

⁷ Гончарова Т.Н. Французские дипломатическая и консульская службы в России: 1814–1848 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

⁸ Гончарова Т.Н. Опыт самодержавия. Поль де Бургоэн в России (1828–1832) // Международные отношения в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора К.Б. Виноградова. СПб., 2005. С. 94–99; *она же*. Ориентализм и политическое наблюдение французских дипломатов в Новороссии в 20–30-е гг. XIX в. // Актуальные проблемы истории нового и новейшего времени. Сборник материалов международной конференции преподавателей, аспирантов и студентов по проблемам истории XVII–XX вв. СПб., 2006; *она же*. Посольство Франции и светская жизнь Санкт-Петербурга в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 2. СПбГУ, 2008. С. 141–147; *она же*. Французские дипломаты в России (1814–1848): персоналии и карьеры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Выпуск 4. Ч. 1. С. 130–136; *она же*. Внешняя политика Российской империи и ее творцы в описаниях французских дипломатов (1814–1840-е гг.) // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2008. № 2 / Сост. Б.П. Заостровцев. СПб., 2009.

рической науки, получившее свое развитие еще в середине прошлого века в связи с деятельностью школы «Анналов».

Применимо к истории российско-французских отношений особо выделяю работы известного переводчика, филолога и историка Веры Аркадьевны Мильчиной, в частности, ее книгу «Париж в 1814–1848 годах: Повседневная жизнь»⁹. В этой работе определенное место уделяется и франко-российским связям. Новая книга В.А. Мильчиной ««Французы полезные и вредные». Надзор за иностранцами в России при Николае I» посвящена разнообразным аспектам пребывания французов в России и представляет собой серию блестящих очерков, основанных на богатом документальном материале¹⁰.

Интенсивно развивающимся современным направлением является интеллектуальная история. Этот подход также плодотворно разрабатывается в контексте российско-французских отношений В.А. Мильчиной, В.С. Парсамовым, О.С. Даниловой и др. Несомненный научный интерес представляет работа В.А. Мильчиной «Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы»¹¹. Это сборник статей, написанных в разное время на основе архивных источников, прежде всего материалов Государственного архива Российской Федерации. В книге представлена галерея образов и проанализированы взаимные контакты представителей российской и французской интеллектуальной элиты. Интеллектуальная история конца XIX – начала XX вв. плодотворно разрабатывается ранее екатеринбургской, а ныне парижской исследовательницей О.С. Даниловой, занимающейся анализом «французского» славянофильства¹². Сюжеты начала века, в частности декабристы и французский либерализм, изучает В.С. Парсамов¹³.

О глубоком интересе к проблемам интеллектуальной истории свидетельствует ряд конференций, по итогам которых были опубликованы сборники, в том числе «Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв.»¹⁴

Показателем научного интереса к истории двусторонних связей является публикация и перевод источников, связанных с историей двусторонних отношений. Это первый, без купюр, перевод, может быть, самой известной и полемичной книги о России – Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»¹⁵. Из важных изданий отмечу также публикацию писем французского художника Ораса Верне, которая позволяет по-новому взглянуть на двусторонние отношения и внешнеполитическую линию императора Николая I¹⁶.

То, что все это переводится и издается, свидетельствует о живом интересе к периоду Реставрации и Июльской монархии, то есть к 1814–1848 гг. И это весьма показательно. В XX в., в условиях господства позитивизма и основанного на нем марксизма, историки изучали, как правило, великое, эпохальное, революционно-героическое: Великая Французская революция XVIII в., наполеоновские войны, революция 1848 г., Парижская Коммуна – в общем, французская история XIX в. была благодатным полем, которое возделывали историки-позитивисты, марксисты, социалисты. Революционные сюжеты они «вспахали» весьма плодотворно, хотя, конечно, сейчас многие изучавшиеся ими проблемы нуждаются в серьезном переосмыслении.

⁹ Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М., 2013.

¹⁰ Мильчина В.А. ««Французы полезные и вредные». Надзор за иностранцами в России при Николае I». М., 2017.

¹¹ Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004; она же. Дипломатический корпус в Петербурге глазами первого секретаря французской миссии // Одиссей. М., 2003.

¹² Данилова О.С. Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

¹³ Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001.

¹⁴ Французы в научной интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан. М., 2010; Намазова А.С. Русские парижане в интеллектуальной и художественной жизни Франции XIX в. // Франция—Россия: Два народа – единая история и культура. Орел, 2011.

¹⁵ Кюстин А. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. Первое изд.: М., 1996; второе: М., 2000; третье: СПб., 2008.; Ансело Ф. Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронация его императорского величества / Вступ. статья, сост., пер. с фр. и коммент. Н.М. Сперанской. М., 2001.

¹⁶ Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга / Пер., вступ. ст. и комм. Д. Васильева. М., 2008.

В последнюю четверть XX в. в связи с общим пониманием приоритетности эволюционного, а не революционного пути развития, историки активно обращались именно к тем периодам относительно мирного и стабильного существования, которые раньше воспринимались не иначе как промежуточные, переходные и «скучные». Именно так долгое время во французской и в отечественной науке трактовалась эпоха существования во Франции режимов Реставрации и Июльской монархии. Сейчас же научный интерес у исследователей вызывают именно такие, не «приоритетные» прежде темы.

Региональная, или локальная, история – также весьма популярное направление. Несомненно, для XIX в. история двусторонних отношений – это история контактов между Парижем и Петербургом. Северная столица в этом плане плодотворно работает, свидетельством чему является сборник «Петербург и Франция»¹⁷.

Во французской науке рост интереса в российско-французским отношениям и интеллектуальным связям пришелся на вторую половину 1960-х гг., то есть на время советско-французского сближения в годы президентства Шарля де Голля (1958–1969). Именно в это время во Франции вышли две фундаментальные работы: Шарля Корбе «Эра национализма. Французское общественное мнение перед лицом неизвестного русского» и Мишеля Кадо «Россия и интеллектуальная жизнь Франции. 1839–1856 гг.»¹⁸ Тогда же вышла книга французского историка русского происхождения Константина Грюнвальда «Франко-русские союзы», посвященная политико-дипломатической истории двух стран¹⁹.

Как писал Ш. Корбе, история долгого и усердного открытия французами России поучительна не только с точки зрения восприятия России и русских. История открытия французами нашей страны непосредственно связана с историей французской души и содействует раскрытию ее завуалированных сторон. То есть, постигая русских, французы познают прежде всего самих себя. По словам Корбе, «в суждениях, формируемых одними нациями о других, вне всякого сомнения, проявляются их тайные чувства о самих себе. Изучая вопрос о том, что французы говорили и думали о России, и ожидая многое узнать о ней, больше узнаешь о Франции и механизмах формирования ее собственного общественного мнения»²⁰.

Последующие десятилетия были отмечены спадом интереса к русской теме. Однако всегда находятся энтузиасты, занимающиеся этой проблемой, несмотря на политическую конъюнктуру. На волне, прямо скажем, современных русофобских настроений и невзирая на них, плодотворно изучает Россию известная французская исследовательница М.-П. Рэй, чьи работы посвящены началу XIX столетия, эпохе Наполеоновских войн и политике императора Александра I²¹.

Итак, процессы, происходящие в современной исторической науке, новые методологические подходы и принципы, – все это проявляется в историографии российско-французских отношений XIX столетия. Говоря о политической компоненте, важно отметить еще один аспект, связанный с рассматриваемым нами предметом: всплеск научного интереса к эпохе Николая I и внешней политике этого государя. В последние годы появилось большое количество работ, посвященных николаевской эпохе, публикуются документы, связанные с царство-

¹⁷ Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика. Серия «Санкт-Петербург и мир». СПб., 2010.

¹⁸ Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. P., 1967; Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P., 1967.

¹⁹ Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968.

²⁰ Corbet Ch. Op. cit. P. 7.

²¹ См: Рэй М.-П. Александр I. М., 2013; она же. 1814. Царь в Париже. М., 2017; она же. 1814–1815 гг.: от французского похода до конгресса в Вене. Александр Первый – европейский император? // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013; она же. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015.

ванием Николая I, все это тоже способствует переосмыслению истории международных отношений той поры, в том числе и отношений между Францией и Россией²².

Изучение этих проблем выводит на очень важные и актуальные вопросы: причины любви, порой, безответной, русских к французам, а также «упущенных возможностей» для сближения двух стран, которое произошло лишь после поражения Франции в войне с Пруссией, когда союз с Россией стал для нее жизненно необходимым.

²² См., напр.: *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 2. М., 2017; *Высочков Л.В.* Николай I. М., 2006; Император Николай Первый. М., 2002; *Ляшенко Л.М.* Николай I. Случайный император. М., 2013; Николай I: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. *Т.В. Андреевой, Л.В. Высочкова*. СПб., 2011; Николай I. Рыцарь самодержавия / Сост., вступ. ст. и коммент. *Б. Тарасова*; М., 2007. Николай I. Портрет на фоне империи. М., 2011; Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008; *Олейников Д.* Николай I. М., 2012; тематический номер журнала «Родина» за 2013 г., № 3; *Шевченко М.М.* Конец одного величия. М., 2003.

Глава 1

Николай I и Луи-Филипп

Орлеанский: двойной портрет

Николай и Луи-Филипп в исторической памяти

И Николай I, и Луи-Филиппа современники и потомки оценивали крайне противоречиво, что во многом было связано с неоднозначностью восприятия самих периодов существования во Франции режима Июльской монархии, а в России – времени правления императора Николая I.

Лишь в последние годы личность короля французов Луи-Филиппа Орлеанского начала привлекать серьезное внимание историков²³. Во многом это связано с появлением научного интереса к самому периоду существования во Франции режима Июльской монархии, традиционно воспринимавшейся как некий промежуточный этап между войнами и империями, время господства финансовой буржуазии, спекуляций и коррупции, расцветших под покровительством «короля-буржуа» Луи-Филиппа, крайне властолюбивого правителя, возведенного на трон революцией 1830 г. Вместе с тем никто не отрицал, что при Луи-Филиппе Франция стала более богатой и процветающей, чем при его предшественнике Карле X. Современные же исследователи рассматривают Июльскую монархию как период высокой деловой активности, институциональной стабильности и внешнего мира. Это было время, когда Франция получила возможность развиваться в условиях относительной политической свободы, реализовывать на практике теорию представительного правления и претворять в жизнь либеральные идеи в их умеренной интерпретации; именно в те годы закладывались основы современных политических институтов и традиций Франции, было положено начало созданию Второй колониальной империи²⁴. Июльская монархия оказалась необычайно плодотворным этапом в развитии французской культуры, общественной мысли, литературы, достаточно назвать имена В. Гюго, О. Бальзака, Стендаля, А. Дюма, Ж. Санд.

И все же Луи-Филиппа не любили как его современники, так и потомки. Современники – потому, что он всего лишь позволил Франции стать богатой и процветающей, а им очень хотелось осуществить свои широкомасштабные амбиции в духе Наполеона I. Луи-Филипп, умевший нравиться и всегда пользовавшийся расположением толпы, далеко не всегда был в милости у элит: их усилиями он остался в исторической памяти французов в своем карикатурном образе: король, превращающийся в грушу²⁵. Как писал о нем английский политический деятель тех лет Чарльз Гревилл, «он, конечно, обладал важными качествами, и в его характере были и иные черты, нежели эгоизм и двуличие. Но и их хватило, чтобы, несмотря на привлекательные стороны его натуры, он никогда никому не внушал ни любви, ни уважения, разве что только своей семье и некоторым близким друзьям»²⁶.

²³ См., например: *Antonetti G. Louis-Philippe. P., 2002; Bordonove G. Louis-Philippe. 1830–1848. Roi des Français. P., 2009; Price M. Louis-Philippe. Prince et le roi. La France entre deux révolutions. P., 2009.*

²⁴ См., например: *Brogie G. L'Orleanisme. La ressource libéral de la France. P., 1981; Broglie G. de. La Monarchie de Juillet. 1830–1848. P., 2011; Rosanvallon P. La monarchie impossible. Les Chartes de 1814 et de 1830. P., 1994.*

²⁵ Луи-Филипп был излюбленной мишенью карикатуристов. Самой известной из их работ была карикатура Шарля Филиппона, на которой голова и лицо короля благодаря трансформации некоторых черт постепенно превращалось в грушу. Впрочем, любимым занятием короля было именно коллекционирование карикатур и чтение направленных против него статей и памфлетов.

²⁶ *Greville Ch. Les quinze premières années de regne de la reine Victoria. P., 1889. P. 443.*

«Политика, более семейная, нежели национальная»²⁷, – писал о царствовании Луи-Филиппа его знаменитый современник и добрый знакомый Виктор Гюго. «Две страсти губят его достоинство: чрезмерная любовь к собственным детям и ненасытная жажда богатства; обе они будут беспрестанно помрачать его рассудок», – так отзывался о правлении короля не менее известный современник Франсуа-Рене де Шатобриан²⁸. Подобные упреки в проведении династической политики, пренебрежении национальными интересами Франции были весьма распространены во французском обществе. Короля обвиняли в том, что он «был скромнен во имя Франции» и что в нем «слишком громко говорило отцовское чувство»²⁹.

Очень точно суть отношения французов к политике Луи-Филиппа была отражена французским литератором, воспитателем, а затем секретарем сына короля, герцога Омальского, А. Кювийе-Флери: «Это был хороший политик, человек серьезный и положительный, очень активный и предусмотрительный, стремившийся править согласно законам и говоривший людям: “Живите спокойно, будьте трудолюбивы, торгуйте, обогащайтесь, будьте свободными, уважая свободу и не потрясая государство”. Король, говорящий подобным языком, требующий от народа только того, чтобы быть счастливым, не предлагающий ему никаких экстраординарных зрелищ, никаких страстей, – и это легитимный король свободной нации?! И подобный режим длился восемнадцать лет? Не слишком ли?!»³⁰

Досталось Луи-Филиппу и от историков. Вся ответственность за Февральскую революцию 1848 г. возлагалась на короля и его окружение. Луи-Филиппа упрекали в том, что он, как настоящий буржуа, больше заботился о своей семье, приумножал свое личное состояние, став одним из богатейших людей Франции, однако в отношении рядовых французов считал, что индивидуальное благосостояние должно быть личным делом каждого. Сдержанная и осторожная внешняя политика Луи-Филиппа также воспринималась простыми обывателями, а затем и специалистами-историками как слабая, антинациональная и проанглийская. И только со второй половины XX в. Июльская монархия стала оцениваться исследователями как важный этап формирования современных политических институтов Франции, время становления конституционализма, либеральных правовых норм, парламентаризма. По словам французского историка Ги Антонетти, Луи-Филипп был умным человеком, он мог стать великим королем, но дело было в том, что Франция не хотела больше королей, ни бесславных, ни великих³¹.

Сходная ситуация наблюдается и в отношении императора Николая Павловича, которому досталось и от современников, и от потомков. Личность государя оценивалась очень противоречиво. «Царь-Христианин», «Раб своих монарших обязанностей», «Вечный работник на троне», «Первый в нашу эпоху представитель самодержавия», «Муж высшего разума», «Незабвенный» – для одних, «Николай Палкин», «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира», «коронованный барабанщик», «коронованный палач», «страж абсолютизма», тюремщик русской свободы», «жандарм Европы», «польского края зверский мясник» – для других. В западноевропейской революционной публицистике и поэзии российский император всегда предстал в образе душителя демократии, «кроважного медведя», стремившегося «запустить свои когти в Европу»³².

Если консерваторы единодушно защищали личность Николая I и время его царствования, то либералы, а уж тем более революционеры, столь же единодушно подвергали нападкам. В подобном единодушии обеих сторон важную роль сыграли в первую очередь Великие

²⁷ Гюго В. Отверженные // Гюго В. Собрание соч. в семи томах. М., 1995. Т. 4. С. 18.

²⁸ Шатобриан Ф.-Р., де. Замогильные записки. М., 1995. С. 552.

²⁹ Гюго В. Отверженные. С. 18–19.

³⁰ Цит. по: Lucas-Dubreton J. Louis-Philippe. P., 1938. P. 225.

³¹ Antonetti G. Louis-Philippe. P. 948.

³² Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 14.

реформы 1860–1870-х гг., последовавшие вскоре после смерти императора. В этот переломный для России момент консерваторы всячески пытались напомнить Александру II о заветах его отца, а либералы изо всех сил старались внушить новому монарху мысль о том, что пренебрежение общественным мнением ведет к застою во всех сферах жизни и краху государственной политики³³.

Современные исследователи, стремящиеся отмежеваться от советских оценок царствования Николая Павловича, делают упор на цельности его натуры, твердости воли, верности монаршему долгу. Они напоминают о том, что ему были не чужды благотворительность, рыцарские качества, что он часто выступал защитником «сирых и убогих», а если иногда и перегибал палку, то делал это для укрепления дисциплины, более успешного управления страной и ее развития. Именно для развития России Николай I, по мнению этих авторов, сделал очень многое. Так, стремясь урегулировать отношения между помещиками и крестьянами, он в значительной степени подготовил отмену крепостного права. Он заботился о развитии отечественной промышленности, торговли, транспорта. Начавшийся в годы его правления технический переворот стал импульсом для развития пореформенной экономики. При Николае I был разработан новый свод законов Российской империи; время его царствования стало «золотым веком» русской культуры; при нем значительно вырос престиж России на международной арене, появилась новая правительственная идеология и регулярная организация политической полиции.

Оппоненты «защитников» Николая Павловича спешат предъявить свои аргументы. Они подчеркивают его якобы недостаточное для главы государства образование, чрезмерное увлечение внешней стороной военного дела, грубость в обращении с людьми, коварство, злопамятность. Удивляются неумению монарха выбирать себе помощников, обвиняют в гонениях на инакомыслие, пишут, что он «каждый год начинал освобождение крепостных», но так и не решился отменить это варварское установление³⁴.

Привычные стереотипы и традиционные штампы зачастую не соответствуют исторической реальности. Только в последние годы стали появляться более взвешенные оценки личности и деятельности этого монарха³⁵. В современной российской историографии правление Николая I получило более объективную оценку, а образ самодержца, уже не символа, а человека с его достоинствами и недостатками, стал более многогранным и приближенным к реальности. Сегодня большинство специалистов, занимающихся николаевской эпохой, считают, что царствование Николая I было временем, подготовившим эпоху Великих реформ 1860-х гг. Умеренный консерватизм Николая I, выступавшего за «реформы сверху», способствовал этому эволюционному процессу.

³³ Там же. С. 3–4.

³⁴ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 4–5.

³⁵ Очень подробный историографический обзор работ, посвященных Николаю I, содержится в вводной статье Т.В. Андреевой и Л.В. Выходилова. См.: Николай I: pro et contra, антология. С. 7–64.

Детство и юность. Взросление

Все люди родом из детства. И царственные особы – не исключение. Казалось бы, маленькие Луи-Филипп и Николай воспитывались в совершенно разных условиях, в разной обстановке, с применением различных воспитательных методик. Но при более внимательном анализе детского опыта обоих монархов в нем просматриваются сходные черты.

Отцы обоих ушли из жизни трагически: отказавшийся от своего титула и перешедший на сторону Революции герцог Филипп, ставший «гражданином Эгалите», голосовавший за казнь Людовика XVI, в итоге сам был гильотинирован якобинцами как «враг народа» 6 ноября 1793 г. Император Павел I был убит заговорщиками. Герцог Орлеанский к моменту смерти отца был уже взрослым, самостоятельным человеком, который сам едва избежал гильотины. Николаю же было всего пять лет, когда погиб его отец. Но, несомненно, этот трагический опыт и воспоминания не могли не повлиять на будущую судьбу обоих.

Ни тот, ни другой не были прямыми наследниками престола, хотя и находились все время поблизости от него. Герцоги Орлеанские, представители младшей ветви династии Бурбонов, принадлежали к числу принцев крови, а один из них, племянник Людовика XIV Филипп Орлеанский, в течение восьми лет (1715–1723) был даже регентом при малолетнем Людовике XV. Однако королем из всей фамилии стал только Луи-Филипп, да и то в результате революции и отречения Карла X. Причем Карл X отрекся от престола в пользу своего внука, герцога Бордоского, назначив герцога Орлеанского всего лишь регентом при малолетнем внуке.

С легкой руки В.О. Ключевского Николая Павловича нередко именуют «случайным императором»³⁶, хотя многолетнее его правление случайностью назвать весьма сложно. Он был третьим сыном в семье, и старшие братья, Александр и Константин, называли его «добрым малым». Его не готовили в наследники престола, а о том, что трон уготован именно ему, Николай узнал только после смерти императора Александра I, да и то принял корону далеко не сразу, а после неоднократного отказа от власти своего старшего брата Константина.

Как воспитывали обоих государей? Вроде бы по-разному. Николай родился 6 июля 1796 г. в Царском Селе. Императрица Екатерина, плохая мать, но заботливая бабушка, поздравив Марию Федоровну, написала своему доверенному лицу барону Гримму: «Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь мою первый раз вижу такого богатыря»³⁷. Великая императрица успела лишь порадоваться рождению внука-богатыря (61 см), а спустя четыре месяца ее уже не стало. В отличие от двух старших сыновей Павла Петровича – Александра и Константина, воспитывавшихся бабкой, – воспитанием младших – Николая и Михаила – занимались родители. Павел оказался чрезвычайно нежным отцом, при малейшей возможности посещал младших сыновей на их половине, с удовольствием играл с ними, шутливо называя «мои барашки»³⁸. Хотя у Николая память об отце почему-то оказалась связана с «чувством страха и схожим с ним чувством почитания»³⁹. Мать же, напротив, держалась с детьми холодно и сухо и довольствовалась тем, что виделась с ними во время специальной «аудиенции» четверть или полчаса в день. Маленькие Николай и Михаил страшились этой холодной, чопорной женщины, которую все хвалили за доброту, но которая отказывала своим детям в малейшей ласке.

³⁶ В своем курсе лекций известный историк заявил: «Вступление Николая I на престол, как мы знаем, было чистой случайностью». См.: *Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. V. М., 1989. С. 240.*

³⁷ Цит. по: *Труайя А. Николай I. М., 2003. С. 6.*

³⁸ *Щербакова Е. Нянюшкины сказки // Родина. 2013. № 3. С. 26.*

³⁹ *Олейников Д. Николай I. М., 2012. С. 13.*

Когда Николаю минуло пять лет и отца уже не было в живых, Мария Федоровна соизволила вплотную заняться сыновьями. С присущей ей немецкой пунктуальностью она разработала весьма рациональную систему воспитания. Огромное значение придавалось гигиене и физическому развитию царевичей. Николай и Михаил спали на железных кроватях. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий, обтянутый кожей, составляли постель; две подушки, набитые перьями; одеяло из канифаса⁴⁰ летом, а зимой – ватное из белой тафты⁴¹. Прогулки были обязательны в любую погоду. Первыми игрушками великих князей были деревянные ружья и шпаги, английские головоломки, шахматы, книжки с картинками, музыкальные инструменты. На игрушки Мария Федоровна не скупилась, считая, что они развивают сообразительность и память малышей. В этой практической системе воспитания не было места изнеженности, но она не давала простора непосредственности и живости, присущей детям⁴².

Поначалу большое влияние на детей оказывали не столько родители, сколько няни и бонны-воспитательницы – Шарлотта Карловна Ливен и Евгения Васильевна Лайон, назначенные еще императрицей Екатериной. Судя по всему, особое влияние на маленького Николая имела мисс Лайон, которую мальчик, обыгрывая на английский манер ее фамилию, называл «няня-львица». Все звали ее англичанкой, хотя на самом деле она была шотландкой⁴³. Джейн Лайон, на русский манер – Евгения Васильевна, «дочь лепного мастера», оказалась в Петербурге с семьей в ту пору, когда в моду при дворе и в обществе стремительно входило все английское. Весной 1784 г. в Петербург прибыли шотландские строители и художники, приглашенные зодчим Камероном для работ в Царском Селе. Первоначально контракт был заключен на три года, но многие пожелали остаться в России, среди них и штукатурный мастер Вильям Лайон, отец Джейн. В 1794 г. она оказалась в Варшаве, сопровождая супруга драгунского полковника Чичерина с двумя детьми, где та должна была встретиться с мужем. В Польше, пережившей в 1793 г. второй раздел, разгоралось восстание за независимость. Войска Тадеуша Костюшко бились с русскими войсками. Попав к полякам в плен вместе с другими русскими женщинами, Лайон провела две недели узницей в здании арсенала. Еще четыре месяца дамы прожили в «Брюлевском дворце» при довольно сносном содержании, но постоянно опасаясь за свою жизнь. Затем русских женщин перевели в здание, где находились другие пленники. Здесь и встретили они весть о своем освобождении⁴⁴.

Смелая, решительная, открытая, при этом вспыльчивая и отходчивая, мисс Лайон очень привязалась к воспитаннику. Она была готова в случае необходимости поступать наперекор приказаниям гувернанток, графини Ливен и даже императрицы Марии Федоровны – лишь бы это шло на пользу ее подопечному⁴⁵.

По словам Н.К. Шильдера, Николай неоднократно говорил, что свою ненависть к полякам он унаследовал от няни. Скорее всего император перенес в далекое детство более поздние впечатления, быть может, о тех временах, когда пил чай у няни и слушал ее воспоминания о жестокостях, творившихся в 1794 г. в Варшаве. Можно согласиться с мнением российской исследовательницы Е. Щербаковой, что вряд ли мисс Лайон пришло бы в голову развлекать подобными рассказами маленького мальчика⁴⁶. В любом случае, влияние «шотландской львицы» на формирование характера будущего государя несомненно⁴⁷. Готовить к разлуке с няней Николая стали исподволь и заранее. Когда двор на лето переехал в Павловск, великий

⁴⁰ Канифас – легкая хлопчатобумажная ткань, украшенная рельефным тканым узором.

⁴¹ Щербакова Е. Указ. соч. С. 26.

⁴² Там же.

⁴³ Сборник ИРИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 12.

⁴⁴ Щербакова Е. Указ. соч. С. 25.

⁴⁵ Олейников Д. Указ. соч. С. 15.

⁴⁶ Щербакова Е. Указ. соч. С. 26.

⁴⁷ Там же.

князь не увидел рядом своей любимицы. В июне 1803 г. Евгения Васильевна вышла замуж и стала госпожой Вечесловой. Они виделись все реже, но продолжали испытывать друг к другу прежнюю нежность. По восшествии на престол Николай I не забывал свою няню, навещал Евгению Васильевну в Аничковом дворце, где ей была отведена квартира, в которой она прожила до своей смерти в 1842 г.⁴⁸

Общаясь с воспитательницами, Николай проникся строгой полу-немецкой, полуанглийской моралью. Это пуританство весьма контрастировало с добродушием, простотой и вседозволенностью, принятыми в русских семьях. Он учился следить за собой, постоянно себя контролировать, не терять самообладания. Его товарищи по играм, подобранные гувернантками, носили немецкие имена: граф Адам Вюртембергский, маленький Адлерберг. Считалось, что для правильного воспитания отпрыска правящей династии России надо остерегаться всего русского⁴⁹. Правда, сам Николай, став государем, будет, напротив, сторониться всего иностранного.

Опасаясь, что женское окружение сделает характер Николая слишком мягким, Павел занялся поиском образованного и благовоспитанного наставника для сына. Среди кандидатур на это место был даже Ф.-Р. де Шатобриан, написавший об этом в своих «Замогильных записках»⁵⁰. В итоге Павел выбрал графа Семена Романовича Воронцова, российского посла в Великобритании. Выдающийся дипломат и горячий поклонник английской конституции, граф, возможно, справился бы с этой задачей. Но он испытывал такое отвращение от мысли о возвращении из своей любимой Англии в Россию, что уклонился от просьбы императора⁵¹. После его вежливого отказа Николай и Михаил были переданы на попечение уроженца Курляндии генерала Матвея Ивановича Ламздорфа, директора Кадетского корпуса, приступившего зимой 1800–1801 гг. к исполнению своих обязанностей воспитателя. Честный и благородный старый военный с небывалым усердием радел о воспитании и образовании своих учеников, подчеркивая важность соблюдения дисциплины и уповая преимущественно на выговоры, приказы и наказания. Никакого удовольствия от этих свирепых кар генерал не получал, просто «время было такое: били людей по убеждению, а не из злобы»⁵².

Сам же Николай позднее писал о чувстве постоянного страха, внушаемого воспитателем: «Страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимали мой ум...»⁵³ Ламздорф рано познакомил Николая со своеобразным опытом грубой казарменной дисциплины, и Николай мало-помалу начал любить скромный и простой мир, выстроенный по ее законам.

Трагическая смерть отца почти не коснулась пятилетнего Николая. Его спальня находилась над спальней императора Павла. Уже когда трагедия свершилась, дети были разбужены Шарлоттой Карловной, одеты, отведены к матери и отправлены в Зимний дворец. О смерти отца им ничего не сказали. На следующий день после гибели Павла императрица привела Николая и Михаила к своему старшему сыну Александру, ставшему императором, со словами: «Отныне ты их отец!» Однако Александр, поглощенный размахом стоящих перед ним задач, не стремится взвалить на себя еще и воспитание младших братьев. Поэтому в детской продолжал властвовать Ламздорф.

Один из самых распространенных мифов о Николае Павловиче, чему он, неизменно требовательный к себе, немало способствовал своими высказываниями, это миф о его плохом образовании. На самом деле оно вполне соответствовало университетскому курсу того

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Труайя А. Указ. соч. С. 11.

⁵⁰ Шатобриан Ф.-Р., де. Указ. соч. С. 207.

⁵¹ Труайя А. Указ. соч. С. 11.

⁵² Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 11.

⁵³ Там же. С. 12.

времени⁵⁴. Перечень предметов, изучавшихся великими князьями, весьма внушителен: русский язык и словесность; французский, английский, немецкий, латинский и древнегреческий языки, русская и всемирная история, география, арифметика, рисование, музыка, верховая езда, танцы, фехтование, военные науки и особенно инженерное дело. Правда, Николай Павлович не был склонен к отвлеченным наукам или философии. Из гуманитарных дисциплин лишь история привлекала его как «наставница жизни» и описание жизни знаменитых полководцев и монархов. Император при врожденной способности к живым языкам охотно пользовался французским, немецким, английским, однако с юношеских лет имел стойкую неприязнь к древним языкам, считая их знание излишней «роскошью» в практической жизни⁵⁵. Иными словами, о скудном образовании Николая не могло быть и речи. Правда, учиться Николай не любил. Он позднее писал: «В учении я видел только принуждение и учился без охоты. Меня часто и, я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности; но нередко были случаи, когда во время уроков Ламздорф больно бил меня тростью»⁵⁶. После гимназического курса наук великие князья прослушали еще цикл лекций по этике, логике, политическим наукам, государственному праву и политэкономии. К ним во дворец приходили лучшие ученые. Николай и Михаил слушали их, скучая, рисуя на полях тетрадей карикатуры. Тем не менее преподаватели признавали, что у Николая живой ум и прекрасная память. Единственный интересовавший его предмет – это искусство фортификации. В течение всей своей жизни он смотрел на себя как на специалиста в этой области и с удовольствием называл себя «инженером». Его пристрастие к армии росло с годами; он лучше любого офицера знал все секреты строевой службы.

Нашествие войск Наполеона в 1812 г. вызвало у Николая настоящий шок; казалось, за считанные дни он повзрослел на несколько лет. Его, с детства чуждого всему русскому, вдруг охватил патриотический подъем. Он умолял мать позволить ему участвовать в сражениях, но напрасно. Николай пришел в ярость, узнав, что Москва взята французами, но продолжал верить в благополучный исход войны. Он даже заключил пари с сестрой Анной, что первого января 1813 г. на территории России не останется ни одного француза. Пари он выиграл. «Я отдала ему серебряный рубль, – писала великая княжна, – и он засунул его под галстук, идя на благодарственный молебен, который служили в Казанском соборе в честь освобождения России»⁵⁷.

* * *

А теперь обратимся к детству Луи-Филиппа. Он был первенцем в семье Луи-Филиппа-Жозефа, герцога Шартрского и Марии-Аделаиды де Бурбон-Пентьевр, правнучки «короля-солнца» и мадам де Монтеспан, и появился на свет в Париже 6 октября 1773 г. Тогда еще был жив глава Орлеанского дома, Луи-Филипп, по прозвищу Толстый, которому и принадлежал титул герцога Орлеанского. С его смертью в 1785 г. этот титул перешел к его сыну, будущему Филиппу-Эгалите, а титул герцога Шартрского унаследовал его сын, будущий король Луи-Филипп. При рождении же малыш получил титул герцога Валуа. Вслед за ним в семье родились еще два мальчика и две девочки-близняшки, одна из которых умерла в младенчестве.

Что касается воспитательной стратегии, то при воспитании Луи-Филиппа применялся совсем иной подход, нежели при воспитании Николая Павловича, да и учителя были иными. Если Николай из мягких женских рук попал в жесткие мужские, то Луи-Филипп напро-

⁵⁴ Выходчиков Л. Человек в мундире. Николай I – «консерватор с прогрессом»? // Родина. 2013. № 3. С. 13.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Цит. по: Труайя А. Указ. соч. С. 14.

⁵⁷ Цит. по: Труайя А. Указ. соч. С. 16.

тив: когда ему исполнилось шесть лет и сменилось несколько наставников, воспитательницей Луи-Филиппа, его братьев и сестры Аделаиды была назначена очаровательная 34-летняя графиня Стефани де Жанлис, начинающая детская писательница, восторженная почитательница идей Ж.-Ж. Руссо и одновременно – любовница герцога Шартрского. Сначала он пристроил ее к своей супруге в качестве фрейлины, а затем определил гувернанткой к своим детям. Мадам Жанлис оказалась умелым, даже талантливым педагогом, применявшим разнообразные методы воспитания, в том числе и спартанские. Под ее руководством Луи-Филипп приобрел глубокие и разносторонние знания, усвоил либеральный образ мыслей, любовь к путешествиям, привычку к простоте и выносливость (в этом они с Николаем I были похожи).

Своим трудолюбием герцог Орлеанский также был во многом обязан мадам де Жанлис. Она говорила своим воспитанникам: «Очень важно уметь использовать каждую минуту, каждую секунду». Действительно, их день – с шести часов утра до десяти вечера – был расписан по минутам⁵⁸. Своей воспитательнице Луи-Филипп был обязан и знанием иностранных языков. По утрам дети изучали ботанику с садовником, говорившим по-немецки; на немецком они продолжали разговаривать за завтраком; во время послеполуденной прогулки их сопровождал учитель английского; за ужином они беседовали на итальянском и завершали день испанским. «В результате такого образования, – констатировал герцог Орлеанский, – в двенадцатилетнем возрасте я говорил на четырех языках и знал английский так же хорошо, как французский»⁵⁹. Впоследствии, уже будучи королем и учитывая важность франко-английских отношений, Луи-Филипп как-то сказал: «Чтобы проводить разумную политику, необходимы англичане, владеющие французским, и французы, знающие английский»⁶⁰.

Мадам де Жанлис не пренебрегала гуманитарными науками, но особое внимание уделяла практическим вещам, тем наукам, которые она сама страстно любила. Она заставляла своих учеников постигать основы математики, физики, естественной истории, архитектуры, ботаники. Значительное время она уделяла физическому развитию детей, посвящая много часов в день гимнастическим упражнениям, бегу и плаванию. Наконец, она пыталась привить им свои идеи, мнения и манеры. Она не хотела, чтобы юные аристократы занимались исключительно военным делом и охотой, и направляла их, по словам биографа Луи-Филиппа Ж. Берто, в сторону рабочих классов, посылая их то в мастерские, где их обучали изготовлению булавок, то к торговцам, которые им показывали, как делаются уксус и горчица. Эта практичная женщина хотела, чтобы дети получили разностороннее образование и были сведущи как в ремесленном труде, так и в науках⁶¹. В результате к семнадцати годам из рыхлого, болезненного подростка Луи-Филипп превратился в атлетически сложенного юношу, наделенного отменным здоровьем, недюжинной физической силой и твердостью духа.

Каков же был итог воспитания наших героев? Конечно, их воспитывали по-разному. Если Николай вынес чувство страха к своему наставнику Ламздорфу, то Луи-Филипп до конца своих дней сохранял благодарность мадам де Жанлис. Она дожила до восшествия своего воспитанника на престол, и умерла в зените своей писательской славы, а благодарный король выплачивал ей почетную пенсию. Либеральные убеждения Луи-Филиппа сформировались не столько под влиянием отца, сколько мадам Жанлис. Именно она познакомила юного принца с Монтескье и Руссо, именно она внушила ему широкие взгляды на окружающий мир. Прагматизм, практицизм и педантизм, присущие Луи-Филиппу, – это тоже результат воспитательной работы мадам Жанлис. Что бы ни говорил сам Луи-Филипп о суровости своей наставницы, мадам Жанлис наилучшим образом подготовила его к судьбе, которая его ожидала.

⁵⁸ Bertaut J. Louis-Philippe intime. P., s.a. P. 19.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid. P. 81–82.

⁶¹ Bertaut J. Louis-Philippe intime. P. 20.

Помимо широкого и солидного образования, Луи-Филипп прошел настоящую школу жизни, что впоследствии ему очень пригодилось. Много лет спустя, вспоминая свое детство и свою воспитательницу, Луи-Филипп рассказывал Виктору Гюго: «О, мы с сестрой прошли суровую школу. Вставали мы обыкновенно в шесть часов, ели жареную говядину да хлеб с молоком; ни сластей, ни лакомств, никаких удовольствий не полагалось: ученье и работа, работа и ученье – вот и все. Ведь это Жанлис приучила меня спать на голых досках; она же обучила многим ручным мастерствам, и вот благодаря ей я знаю теперь всего понемножку: могу даже постричь, а при случае пустить кровь не хуже Фигаро. Я и столяр, и конюх, и каменщик, и кузнец»⁶².

Когда в 1843 г. королева Великобритании Виктория была приглашена во Францию, в королевский замок Ё (Eu), что в Нормандии, во время прогулки по парку король галантно предложил ей угоститься персиком. Королева оказалась в затруднении, не зная, как его очистить. Тогда Луи-Филипп достал из своего кармана большой нож со словами: «Когда-то мне приходилось жить, имея сорок су в день и нож в кармане. С тех пор прошло много лет. И я мог бы оставить эту привычку, но я этого не сделал, поскольку никогда не знаешь, что тебя ждет»⁶³.

Что получилось в результате «воспитательного хаоса», царившего в российской императорской семье? Строгость установленного Марией Федоровной этикета привела к тому, что товарищей в играх и занятиях у Николая почти не было. Его детство протекало в основном в обществе младшего брата Михаила и сестры Анны, с которыми у него на всю жизнь сохранились теплые дружеские отношения.

Неудачный подбор преподавателей (они были отличными учеными, но слабыми педагогами) и личные пристрастия Николая привели к тому, что интерес его к изучаемым предметам был весьма избирателен. Гуманитарные дисциплины, особенно философия, логика, политические науки, эстетика, навсегда остались для него пустой болтовней и не привлекали особого внимания. Он неплохо знал военную историю, а также интересовался жизнеописаниями великих полководцев и государственных деятелей. Музыка Николая глубоко не трогала, хотя он хорошо пел, особенно любил церковное пение. В целом образование Николая Павловича оказалось весьма обширным, но в нем, безусловно, имелись значительные пробелы. Это было вызвано отчасти неудовлетворительным преподаванием тех или иных предметов, отчасти же характером самого великого князя.

Несмотря на отличие в подходах к образованию и воспитанию, а также на разные воспоминания о годах обучения, Луи-Филиппа и Николая многое сближало. Оба они привыкли к аскетичному, даже спартанскому образу жизни; оба стали умелыми, трудолюбивыми, физически сильными, выносливыми и храбрыми людьми; самыми близкими друзьями на всю жизнь стали брат Михаил и сестра Анна – для Николая, и сестра Аделаида – для Луи-Филиппа⁶⁴.

С годами в их личностях стали проявляться общие черты. Николай становился более самостоятельным и самодостаточным, но в то же время, в его характере было немало отталкивающих черт. Он не выносил шуток над собой, казавшихся ему обидными, а таковым из-за развивающихся комплексов Николаю казалось очень многое. Чем дальше, тем больше он не любил признавать своих ошибок, настаивая на собственной правоте всегда и во всем. Луи-Филипп, хоть и допускал шутки в свой адрес, с годами также стал человеком, абсолютно уверенным в собственной непогрешимости.

⁶² Цит по: Гюго В. Посмертные записки. 1838–1875. М., 2007. С. 73.

⁶³ Bertaut J. Op. cit. P. 83.

⁶⁴ Об Аделаиде см.: Paoli D. Madame Adélaïde. Soeur et égérie de Louis-Philippe. P., 2016.

* * *

Несмотря на то что к военной службе наши герои относились по-разному, и Луи-Филипп не имел такого пиетета и преклонения перед всем, что было связано с ратным делом, как Николай Павлович, оба они начали свою карьеру в армии. Когда произошла революция, Луи-Филипп, как и его отец, объявил себя ее сторонником, вступил в Национальную гвардию и клуб якобинцев. В чине генерал-лейтенанта он участвовал в сражениях при Вальми, Жемаппе и Неервиндене, проявив хорошие способности к военному делу и храбрость. В 1792 г. он отказался от своего титула и по примеру отца принял имя «гражданин Эгалитэ». После того, как Конвент издал закон об изгнании Бурбонов, для обоих Эгалитэ было сделано исключение. Однако когда генерал Дюмурье, адъютантом которого служил Луи-Филипп, перешел на сторону австрийцев после поражения при Неервиндене, будущий король французов, не разделявший политических взглядов якобинцев и опасавшийся за свою жизнь, был вынужден бежать за границу. Но в отличие от других эмигрантов он не стал бороться против Республики. Отец Луи-Филиппа был казнен якобинцами в ноябре 1793 г. по обвинению в организации заговора с целью захвата власти.

К этому времени Луи-Филипп во многом образумился, избавившись от многих прежних революционных иллюзий. Он тяжело воспринял казнь Людовика XVI, оценив ее как проявление революционного насилия, но не как акт исполнения законного правосудия. Еще тяжелее для него было узнать, что за казнь короля проголосовал его отец, в своем желании не отстать от стремительного развития революции договорившийся в Конвенте до того, что заявил: он сын кучера, а вовсе не герцога Орлеанского. Недостойное поведение отца глубоко травмировало душу юного Луи-Филиппа. В феврале 1793 г. он написал отцу очень жесткое письмо, не подозревая, что больше никогда его не увидит.

Под именем Шабо-Латура Луи-Филипп вместе с сестрой Аделаидой и мадам де Жанлис поселился в Швейцарии, в Рейхенау. Как писал В. Гюго, «этот наследник самых богатых королевских поместий Франции продал свою старую лошадь, чтобы не умереть с голоду. В Рейхенау в частном коллеже он давал уроки математики, а Аделаида занималась вязаньем и шитьем»⁶⁵. Здесь же Луи-Филипп узнал о гибели отца. С этого момента он стал главой Дома Орлеанов и носителем титула герцога Орлеанского, о чем, разумеется, предпочитал помалкивать, так как швейцарцы симпатизировали французским революционерам.

Совершив путешествие по северо-западной Германии и Скандинавии и проведя несколько лет в Америке, в 1800 г. Луи-Филипп переехал в Англию, где обосновался в деревне Твикенгэм близ Лондона. Здесь произошло его примирение со старшей ветвью Бурбонов, после того как он подписал декларацию покорности Людовику XVIII как своему законному государю. С этих пор с ним обращались как с принцем, хотя и относились с недоверием, тем более что он не принимал никакого участия в интригах роялистов против французского правительства. В 1809 г. Луи-Филипп отправился на Сицилию, где познакомился с дочерью короля Фердинанда Неаполитанского Марией-Амелией, приходившейся племянницей казненной королеве Марии-Антуанетте. 25 ноября 1809 г. в Палермо состоялось их бракосочетание. 3 сентября 1810 г. Мария-Амелия подарила мужу наследника, получившего, в соответствии с давней традицией Орлеанского дома, титул герцога Шартрского. Впоследствии она родила еще четырех сыновей и трех дочерей⁶⁶.

⁶⁵ Гюго В. Отверженные. С. 19.

⁶⁶ О Марии-Амелии см.: *Isabelle, comtesse de Paris. La reine Marie-Amélie, grande-mère de l'Europe*. P., 1998.

В 1810 г. Луи-Филипп отправился в Испанию, где намеревался принять участие в борьбе против Наполеона, мечтая получить испанскую корону; однако этой мечте не суждено было сбыться, как, впрочем, и его планам о короне Ионических островов.

Великий князь Николай Павлович, как и Луи-Филипп, тоже начинал как военный. Только в отличие от Луи-Филиппа он до конца своих дней сохранил пиетет перед всем армейским. Если Луи-Филипп прошел через войну и армию в молодости, после чего весь воинственный задор у него иссяк, то для Николая это стало главным вектором его жизни и судьбы.

Великих князей, как и детей большинства дворян в России, было принято с колыбели записывать в армию. Николай Павлович при рождении был произведен в полковники и назначен шефом лейб-гвардии Конного полка с обычным для данной должности жалованием в 1105 рублей в год. В мае 1800 г. он стал шефом еще и лейб-гвардии Измайловского полка и с тех пор с особым удовольствием носил измайловские мундиры. В 1814 г. император Александр разрешил младшим братьям присоединиться к русскому победоносному войску с условием, что участия в боевых действиях они принимать не будут. Во время своего первого пребывания в Париже Николай имел случай познакомиться с герцогом Орлеанским. Эта встреча не прошла бесследно для великого князя: он был свидетелем семейного счастья герцога, и эта отрадная картина глубоко запала в его душу.

«— Какое громадное счастье жить так, семьею! — сказал ему великий князь.

— Это единственное истинное и прочное счастье, — твердо ответил герцог Орлеанский»⁶⁷.

Закончились Наполеоновские войны. Во Франции установился режим Реставрации, Бурбоны вернулись к власти. В России и по всей Европе гремела слава императора Александра I.

Через две недели после прибытия в Париж Людовика XVIII там же оказался и Луи-Филипп — вместе с братом короля Карлом д' Артуа и его двумя бездетными сыновьями он входил в число непосредственных наследников трона. Король возвратил герцогу Орлеанскому громадные имения его отца, конфискованные во время революции, и уже в конце сентября Луи-Филипп вместе с женой и детьми въехал в Пале-Руаяль. Его положение при дворе Людовика XVIII было, однако, весьма затруднительным: ему не простили ни роли его отца в революции, ни его собственных либеральных убеждений, от которых он никогда не отказывался. После возвращения Наполеона с Эльбы Луи-Филипп, назначенный главнокомандующим Северной армии, был вынужден передать командование маршалу Мортье и уехал в Англию, а вернувшись в Париж уже после вторичного падения Наполеона и заняв место в Палате пэров, где проявил себя либералом, решительно выступил против реакционных мер нового правительства, из-за чего ему было приказано выехать за границу. Только в 1817 г. он получил окончательное разрешение вернуться во Францию.

Отчужденность герцога Орлеанского от двора, ненависть, которую он внушал ультра-роялистам, привлекли к нему симпатии всех противников режима Реставрации — от либералов до бонапартистов. Пале-Руаяль постепенно превращался в центр умеренной оппозиции. Благодаря непринужденной атмосфере, созданной стараниями Марии-Амелии, Пале-Руаяль притягивал к себе видных деятелей литературы, искусства, науки и политики. Талейран называл герцогиню Орлеанскую «последней знатной дамой Европы»⁶⁸. Что касается самого Луи-Филиппа, то он вел себя по отношению к царствующему дому вполне тактично. Вплоть до смерти Людовика XVIII в сентябре 1824 г. он сторонился двора, однако после восшествия на престол Карла X отношения между Тюильри и Пале-Руаялем улучшились, хотя герцог посвящал себя не столько придворной жизни и политике, сколько приумножению своего состояния. Орлеаны получили свою долю (17 млн франков) от «эмигрантского миллиарда» — либерала Луи-Филиппа, в недавнем прошлом «генерала Эгалите», нисколько не смущало, что он ока-

⁶⁷ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. М., 2010. С. 38.

⁶⁸ Bertaut J. Op. cit. P. 103.

зался в числе жаждавших компенсации роялистов. Вообще он никогда не был щепетил в том, что касалось денежных вопросов, считая первейшим долгом обеспечение материальной будущности своих восьмерых детей. Он с явным удовольствием, как завзятый буржуа, занимался коммерческими операциями: покупал, продавал, обменивал; делал деньги из всего, что можно, словно подтверждая мнение мадам Жанлис о его скупости. Большую радость доставило ему расширение старых владений в Нейи, куда он перебрался с семьей в начале 1830 г. Там и застали герцога Орлеанского июльские события, кардинально изменившие его жизнь.

Спустя год после восшествия во Франции на престол Карла X в Таганроге умер император Александр I.

Николай к тому времени был уже главой семьи. Еще во время поездки за границу его внимание привлекла красивая и грациозная дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III Шарлотта Фредерика Луиза Вильгельмина. Он посватался к пятнадцатилетней принцессе, получил согласие ее родителей, и в ноябре 1815 г. состоялась их помолвка. Для завершения образования Николай Павлович совершил поездку по России (1816) и три поездки в Европу (1814–1817)⁶⁹.

13 июля 1817 г. в дворцовой церкви Зимнего дворца состоялось бракосочетание Николая и принцессы Шарлотты, ставшей в православии Александрой. В качестве резиденции молодым супругам был дарован Аничков дворец. Вскоре после этого новоявленный глава семьи стал главным инспектором Корпуса инженеров и шефом лейб-гвардии Саперного батальона. Иными словами, генерал-инспектором по инженерной части российской гвардии.

В 1818 г. Николай Павлович стал командиром 2-й бригады 1-й пехотной дивизии, а в 1825 г. был назначен еще и начальником 2-й пехотной дивизии. Получив в свои руки гвардейские полки, он занялся «подтягиванием» дисциплины. Прежде всего он защищал особую модель армейских порядков, причем не реальных, а некий их идеал. Его восхищали простота, незатейливая четкость армейской жизни, точность отдачи приказов и их безусловное выполнение, нравилась иерархичность жизни солдат и офицеров, прямая зависимость их друг от друга. При этом, постоянно вращаясь в гвардейской среде, общаясь с вернувшимися из заграничных походов офицерами, великий князь усматривал в отдельных нарушениях уставной дисциплины не простую оплошность, а симптомы серьезной оппозиции власти.

Отношения со старшими братьями у Николая складывались весьма своеобразно. Николай был моложе Александра на двадцать лет, а Константина – на семнадцать. Братья относились к нему снисходительно. Именно в этом, очевидно, была одна из главных причин «незнатости» Николая Павловича в государственных делах. Чтобы не стать изгоем в семье, «добрый малый» понимал, что надо прикрыться маской. Он выбрал для себя любимую роль не рассуждающего солдата, прикинулся простым и недалеким воякой⁷⁰. Однако на самом деле великий князь был далеко не прост...

⁶⁹ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 20.

⁷⁰ Ляшенко Л.М. Указ. соч. С. 28.

Восстание декабристов и Июльская революция: легитимация власти

Казалось бы, Николай I и Луи-Филипп получили власть совершенно разными способами. Николай – легитимным путем, унаследовав престол после смерти императора Александра I. Луи-Филипп, представитель младшей ветви Бурбонов, – в результате революции, и легитимность его власти сразу была подвергнута сомнению. В стране произошла смена династии и утвержден новый политический режим. Но восшествие на престол обоих монархов сближают такие события, как революция, восстание, бунт. Хотя есть и важное отличие: для Николая Павловича обстоятельства прихода к власти были очень тревожными: неудавшаяся «революция» – восстание декабристов – в значительной степени повлияла на все его дальнейшее царствование и определила основные направления деятельности в области внутренней и внешней политики. Для Луи-Филиппа обстоятельства прихода к власти были тоже тревожными (особенно с учетом той паники, которую они спровоцировали по всей Европе), но и триумфальными: революция победила. Несмотря на то что победителей, как известно, не судят, это не относилось к Луи-Филиппу: ему еще предстояло доказывать легитимность своего правления перед всей Европой, особенно перед Николаем I. Но не будем забывать, что и перед самим Николаем Павловичем в свое время стояла та же задача.

Луи-Филипп лишь согласился принять корону, но в революции не участвовал, да и Николай отнюдь не рвался к власти. Он не был посвящен в суть завещания императора Александра I и был убежден, что наследником является его брат Константин. Поэтому Николай, как заметил Н.К. Шильдер, «отказывался от престола потому, что не верил, чтобы Константин Павлович отказался от такого лакомого куска»⁷¹. В результате вместо ожесточенной борьбы за престол шло соревнование в отказе от прав на него. При этом «жонглирование короной» не могло продолжаться бесконечно. Оно и так дало возможность декабристам в Петербурге собрать силы для выступления. Николай узнал о готовящемся мятеже и получил третье «отказное» письмо Константина одновременно. 13 декабря все члены Государственного совета были вызваны к восьми часам вечера на секретное заседание. На этих ночных бдениях был выработан официальный акт, в котором Николай Павлович в начале документа титуловался «великим князем» и «высочеством», а в конце провозглашался «императором» и «величеством».

Несомненно, события 14 декабря оставили в душе Николая глубочайший след. Они породили в его и без того недоверчивом уме опасения относительно дворянского сообщества, которое, оказываясь, могло взяться за оружие, отстаивая собственное представление о путях развития страны. Кроме того, Николай Павлович не мог не признать себе в том, что недовольство части общества не сводилось только к идейным заблуждениям, а имело под собой объективные основания. Мятеж декабристов Николай считал частью общеевропейского заговора, направленного против порядков, установленных на Венском конгрессе и закрепленных созданием Священного союза. Именно с этого момента Николай взял на себя роль непоколебимого защитника этого союза. То, что позже стало линией его жизни, было во многом «сформулировано» им в декабре 1825 г. Первые же месяцы после воцарения Николай был занят беспощадной борьбой с духом «анархии».

Необходимость утвердить официальную версию событий 14 декабря 1825 г., рассеять сомнения в легитимности нового царствования, успокоить союзные монархические дома, дипломатические представительства России, европейское общественное мнение относительно династического кризиса, «гибельных» происшествий в Петербурге, – все это заставило рос-

⁷¹ Там же. С. 36.

сийское правительство ускоренно информировать Европу о произошедшем. И хотя власть еще не обладала всей полнотой сведений о характере «мятежа» и его масштабах, уже 15 декабря 1825 г. в «Прибавлениях к Санкт-Петербургским ведомостям» было опубликовано первое правительственное сообщение, подготовленное бывшим чиновником внешнеполитического ведомства Дмитрием Николаевичем Блудовым⁷². Дипломатам предписывалось «предать гласности» официальное сообщение, а также подтвердить приверженность государственным принципам и союзническим обязательствам предыдущего царствования.

Накануне, 14 декабря, вице-канцлер К.В. Нессельроде особыми нотами оповестил иностранных дипломатических представителей в Петербурге о восшествии на престол императора Николая I. В документах подчеркивались преемственность внешнеполитических принципов России и «верность принятым на себя обязательствам»⁷³.

Итак, восшествие Николая на престол было омрачено попыткой государственного переворота, мятежом. Отсюда – его стремление во что бы то ни стало предотвратить последующие революции, возможные потрясения – как в России, так и в Европе. Становится понятной реакция Николая на Июльскую революцию 1830 г., приведшую к власти Луи-Филиппа. Не имея ничего против герцога Орлеанского лично, император был глубоко возмущен обстоятельствами его прихода к власти.

Действительно, Луи-Филипп получил власть в ходе революции и вошел в историю под именем «короля баррикад». Однако он не принимал участия в Июльской революции. Корона была ему предложена депутатами парламента, и он ее принял. Революция же стала реакцией на грубое нарушение королем Карлом X конституционной Хартии. Характерно, что Николай I, не понаслышке знавший, что такое бунт, накануне революции 1830 г. отчетливо видел сгущавшиеся над Францией тучи и предупреждал своего венценосного собрата Карла X о неминуемой катастрофе, если тот будет идти тем же путем. При получении известия о свержении Карла X император сказал сыну, великому князю Александру: «Вот, сын мой, тебе урок! Ты видишь, как наказываются цари, нарушающие присягу!»⁷⁴

Предостерегал Карла X и Луи-Филипп. Еще в августе 1829 г., когда Карл X назначил главой правительства одного из лидеров ультрароялистов князя Ж. де Полиньяка, Луи-Филипп предупредил короля об опасности такого выбора, чреватого политическим кризисом. Действия Полиньяка полностью подтвердили предостережения Луи-Филиппа, считавшего, что политика правительства выходит за рамки Хартии 1814 г., служившей гарантией поддержания стабильности режима Реставрации.

14 июня 1830 г. произошла встреча Луи-Филиппа с Карлом X в замке Рони, принадлежавшем невестке короля герцогине Беррийской. Луи-Филипп попытался еще раз предостеречь Карла X, открыв ему глаза на опасное положение дел.

25 июля, когда Карл X издал ордонансы, нарушавшие конституционную Хартию, Луи-Филипп с семьей находился в своей летней резиденции в Нейи. Большинство оппозиционных депутатов, группировавшихся вокруг Ж. Лаффита, А. Тьера и М.-Ж. Лафайета, настаивали на кандидатуре Луи-Филиппа как продолжателя королевского правления; большая часть бойцов на баррикадах требовала провозглашения республики и назначения президентом генерала Лафайета.

В сложившейся ситуации Луи-Филипп решил не вмешиваться в ход событий, ожидая, когда они сложатся в его пользу. Он покинул Париж, но не отправился в Нейи; никто, за исключением немногих друзей, не знал о его местонахождении.

⁷² Д.Н. Блудов являлся министром внутренних дел (1832–1838), главноуправляющим Второго отделения (1839–1861), с 1861 г. был председателем Государственного совета Российской империи.

⁷³ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX века // Николай I: pro et contra, антология. С. 476–477.

⁷⁴ Император Николай Первый. С. 175.

У читателя может возникнуть закономерный вопрос: был ли Луи-Филипп искренен по отношению к Карлу X, которому накануне Июльской революции давал благоразумные советы соблюдать Хартию? Ведь поведение герцога Орлеанского можно оценивать как сознательное лицемерие с целью отобрать корону у Бурбонов. Не случайно Стендаль, современник и знаток эпохи, отмечал, что Луи-Филипп – это «лукавый и хитрый ум», умело воспользовавшийся ситуацией в свою пользу. Оставаясь за кулисами, он предоставил возможность действовать своим многочисленным сторонникам, умело и тонко их направляя. В то же время не исключено, что события конца июля 1830 г. застали Луи-Филиппа врасплох и он лишь следовал за ними, не направляя их, а потому принятие короны было для него столь же вынужденным, сколь и неожиданным решением.

Между тем 27 июля Адольф Тьер, находясь в Нейи, во время отсутствия там Луи-Филиппа, предложил его сестре Аделаиде, чтобы герцог стал регентом. После некоторого колебания Луи-Филипп принял это предложение.

Карл X, пребывавший вместе с семьей сначала в замке Сен-Клу, затем в Рамбуйе, до последнего момента не отдавал себе отчета в происходящем. Лишь в ночь на 30 июля он наконец дал согласие на отставку правительства Ж. Полиньяка и отмену ордонансов. В тот же день Палата депутатов провозгласила Луи-Филиппа наместником (*lieutenant-général*) королевства. Он продиктовал прокламацию к парижскому населению, в которой объяснял свое согласие желанием предотвратить междоусобную войну и анархию. По улицам, на которых толпился взволнованный народ и еще не были убраны баррикады, Луи-Филипп отправился в городскую Ратушу. Не проявляя ни малейшего волнения, он пробирался верхом через толпу народа, пожимая руки направо и налево. В Ратуше его встретил глава Временного правительства генерал Лафайет.

2 августа король Карл X отрекся от престола в пользу своего внука, герцога Бордоского, а до совершеннолетия последнего назначил Луи-Филиппа регентом и наместником королевства. Герцог Орлеанский немедленно сообщил Палатам об отречении короля, скрыв, однако, его условия.

7 августа 1830 г. Палата депутатов, предварительно объявив трон вакантным, предложила корону Луи-Филиппу, герцогу Орлеанскому и его потомкам по мужской линии в порядке первородства. Через два дня в Бурбонском дворце, где заседала нижняя палата, состоялась церемония гражданской коронации: герцог Орлеанский принял присягу на верность конституции, подписал Хартию, после чему ему вручили королевские регалии. Отныне он стал именоваться Луи-Филиппом I, «королем французов».

Столь необычная церемония возведения на трон, противоречившая вековым традициям династии, символизировала важную перемену в характере режима конституционной монархии по сравнению с периодом Реставрации. Хотя его основные составляющие – король, Хартия, Палаты – оставались неизменными, но их относительная роль изменилась. Власть короля отныне основывалась не на божественном праве, а на суверенитете нации.

14 августа Луи-Филипп подписал новую Хартию – несколько измененный вариант Хартии 1814 г., – ознаменовавшую дальнейшую либерализацию режима, укрепление конституционного строя и переход от наследственного к выборному способу передачи государственной власти⁷⁵. Хартия существенно расширяла права Палаты депутатов. В ней, помимо прочего, была изменена и статья 14-я, которой так неумело попытался воспользоваться Карл X. Новая редакция этой статьи гласила: «Король делает распоряжения, необходимые для исполнения законов, но он никогда не может ни отменять законов, ни разрешать кому бы то ни было их нарушать». Белое знамя Бурбонов было заменено трехцветным стягом революции. Палата пэров сохранилась, но утратила наследственный характер. Имущественный ценз снижался

⁷⁵ О Хартиях 1814-го и 1830 г. см.: *Rosanvallon P. La monarchie impossible. Les Chartes de 1814 et de 1830. P., 1994.*

с 300 до 200 франков, а возрастной – с 30 до 25 лет для избирателей и с 40 до 30 лет – для кандидатов в депутаты. Значительно ограничивались права католического духовенства, которому, в частности, запрещалось владение земельной собственностью. Постепенно прекращалась выплата денежного возмещения бывшим эмигрантам, установленная Карлом X. Вводилось местное и областное самоуправление, отменялась цензура, суды прекратили выносить смертные приговоры. Восстанавливалась распущенная Карлом X Национальная гвардия с выборными офицерами (до капитана) и унтер-офицерами⁷⁶.

Однако принятие короны из рук революции явилось первым и последним революционным актом Луи-Филиппа, девизом всего его царствования будут слова: «Порядок и свобода». Несмотря на службу в революционной армии король не был радикалом. Хотя он любил вспоминать молодость, он крайне редко говорил о революции, так как воспоминания о ней его ужасали. Он не хотел разжигать пожар войны в Европе; самым большим его желанием было добиться признания его короны другими европейскими монархами, и он надеялся добиться этого с помощью проведения конституционной внутренней и миролюбивой внешней политики. Сразу после революции 1830 г. правительство Луи-Филиппа признало все территориальные изменения, произведенные трактатами 1815 г., а в столицы европейских государств были направлены представители Луи-Филиппа с соответствующими заявлениями.

⁷⁶ См.: *Dechappe m-me, Dechappe L. L'Histoire par les textes. La France contemporaine 1814–1914. Histoire politique.* P., 1927. P. 155–156.

Надежды и разочарования. Реформы первых лет царствования

И на Николая I, и на Луи-Филиппа общество возлагало определенные надежды. Подавляющее большинство российского общества приветствовало победу верховной власти в лице Николая I, подавившего «военный мятеж». Использование радикальным крылом декабристского движения насильственного способа государственных преобразований обусловило негативную реакцию на события 14 декабря как в кругах столичного и провинциального дворянства, так и дворянских интеллектуалов⁷⁷. Потрясенный трагедией на Сенатской площади, В.А. Жуковский в письме от 16 декабря 1825 г. сообщал ближайшему другу А.И. Тургеневу: «Мой милый друг. Провидение сохранило Россию... Какой день был для нас 14-го числа. В этот день все было на краю гибели...» При этом поэт подчеркивал, что только спокойствие, хладнокровие и неустрашимость Николая I определили победу правительственных войск: «Николай представился нам совсем другим человеком; он покрылся честью в минуту, почти безнадёжную для России»⁷⁸.

Глубокомысленный аналитик и друг старшего поколения декабристов – князь П.А. Вяземский в своем письме В.А. Жуковскому во время работы Следственной комиссии 26 марта 1826 г. сокрушенно сетовал: «Я охотно верю, что ужаснейшие злодейства, безрассудные замыслы должны рождаться в головах людей, насильственно и мучительно задержанных, тогда как правительство, опереженное временем, заснуло на старом календаре»⁷⁹.

В военной среде разговоры в основном велись невеселые. Николая Павловича боялись, а то и просто ненавидели, в общем готовились к худшему. В принципе же, после невнятных последних лет александровского царствования, приведших чуть ли не к анархии в управлении государством, от вступившего на престол тридцатилетнего императора ждали энергичного наведения порядка во всех сферах жизни, воцарения законности, борьбы с чиновничьим всевластием, тем более что чисто внешне Николай импонировал публике.

⁷⁷ Андреева Т.В., Выскочков Л.В. Николай I: pro et contra (зеркало для героя) // Николай I: pro et contra, антология. С. 8.

⁷⁸ Андреева Т.В., Выскочков Л.В. Николай I: pro et contra... С. 8.

⁷⁹ Там же. С. 9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.